

> МАГИСТРАЛЪ >

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Пророк
Стихотворения

Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
П91

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Пушкин, Александр Сергеевич.

П91 Пророк : стихотворения / Александр Пушкин. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-216688-4

Александр Пушкин (1799—1837) — величайший русский поэт, реформатор и создатель новой русской литературы, в своем творчестве придавший языку необыкновенную легкость, изысканность и одновременно точность выражения мысли; приблизивший народную речь к литературному языку, что и стало нормой. Стиль его произведений признают эталонным. Его перу было подвластно все: философская, гражданская, любовная лирика, переводы, подражания древним, сатирические жанры, в том числе эпиграммы. Свои жизненные и мировоззренческие искания Пушкин воплотил в стихотворениях, в которых отразилась широта интересов и трансформация взглядов поэта.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-216688-4

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИЦЕЙСКОГО ПЕРИОДА
(1813—1817)

1813

К НАТАЛЬЕ¹

Pourquoi craindrais-je de la dire?
C'est Margot qui fixe mon goût².

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — все под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи

¹ Крепостная актриса домашнего театра гр. В. В. Толстого в Царском Селе.

² Почему мне бояться сказать это? Марго пленила мой вкус (*фр.*). — Из «Послания к Марго» Ш. де Лакло.

Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком одеянье
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Ипускаю вздох глубокий.
Сон ленивый, томноокой
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Все к чему-то ум стремится...
А к чему? — никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень

Я желал бы Филимоном
 Под вечер, как всюду тень,
 Взяв Анюты¹ нежну руку,
 Изъяснять любовну муку,
 Говорить: она моя!
 Я желал бы, чтоб Назорой
 Ты старалася меня
 Удержать умильным взором.
 Иль седым Опекуном
 Легкой, миленькой Розины²,
 Старым пасынком судьбины,
 В епанче и с париком,
 Дерзкой пламенной рукою
 Белоснежну, полну грудь...
 Я желал бы... да ногою
 Моря не перешагнуть,
 И, хоть по уши влюбленный,
 Но с тобою разлученный,
 Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
 Кто твой нежный Селадон,
 Ты еще не понимаешь,
 Отчего не смеет он
 И надеяться? — Наталья!
 Выслушай еще меня:

Не владетель я Сераля,
 Не арап, не турок я.
 За учтивого китайца,
 Грубого американца
 Почитать меня нельзя,
 Не представь и немчурою,
 С колпаком на волосах,
 С кружкой, пивом налитою,
 И с сигаркою в зубах.
 Не представь кавалергарда

¹ Персонажи оперы А. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват».

² Персонажи комедии Бомарше «Севильский цирюльник».

В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

— Кто же ты, болтун влюбленный? —
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей,
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы,
Забудь ручки, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединишь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды¹
Сокрыт другой отец второй «Тилемахиды»².
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшися бесславия! — Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй, — скажешь мне, — не трать излишних
слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.

¹Т. е. в школе. (Прим. А. С. Пушкина.)

²Поэма В. К. Тредиаковского.

Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плетть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну французов побеждать,
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь, и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом¹ гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшись счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо²;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

¹ Подразумеваются С. А. Ширинский-Шахматов, гр. Д. И. Хвостов и С. С. Бобров — бездарные писатели-графоманы, приверженцы «Беседы любителей русского слова».

² Жан-Батист Руссо — французский лирик.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
 «Да что же, — говоришь, — судя о всех так строго,
 Перебирая всё, как новый Ювенал,
 Ты о поэзии со мною толковал;
 А сам, поссорившись с парнасскими сестрами,
 Мне проповедовать пришел сюда стихами?
 Что сделалось с тобой? В уме ли ты, иль нет?»
 Арист, без дальних слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
 Священник пожилой и с кудрями седыми,
 В миру с соседями, в чести, довольстве жил
 И первым мудрецом у всех издавна слыл.
 Однажды, осушив бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
 Попалися ему навстречу мужики.
 «Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
 Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
 Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
 И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
 «Послушайте, — сказал священник мужикам, —
 Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
 Живите хорошо, а мне — не подражайте».

И мне то самое пришлось отвечать;
 Я не хочу себя нимало оправдать:
 Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
 Проводит тихий век без горя, без заботы,
 Своими одами журналы не тягчит
 И над экспромтами недели не сидит!
 Не любит он гулять по высотам Парнаса,
 Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
 Его с пером в руке Рамаков¹ не страшит;
 Спокоен, весел он. Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
 И сатирическим пером тебя замучить.

¹ Имеется в виду П. И. Макаров — критик, последователь Н. М. Карамзина.

Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
 Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
 Подумай обо всем и выбери любое:
 Быть славным — хорошо, спокойным —
 лучше вдвое.

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
 «Постой, — кричал, — прелестная! постой,
 Скажи: «Люблю» — и бегать за тобой
 Не стану я — клянуся в том Кипридой!»
 «Молчи, молчи!» — Рассудок говорил.
 А плут Эрот: «Скажи: ты сердцу мил!»

«Ты сердцу мил!» — пастушка повторила,
 И их сердца огнем любви зажглись,
 И пал к ногам красавицы Дафнис,
 И страстный взор Дорида потупила.
 «Беги, беги!» — Рассудок ей твердил,
 А плут Эрот: «Останься!» — говорил.

Осталася — и трепетной рукою
 Взял руку ей счастливый пастушок.
 «Взгляни, — сказал, — с подругой голубок
 Там обнялись под тенью лип густою!»
 «Беги! беги!» — Рассудок повторил,
 «Учись от них!» — Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
 Красавицы на пламенных устах,
 И вот она с томлением в глазах
 К любезному в объятия упала...
 «Будь счастлива!» — Эрот ей прошептал,
 Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

К СЕСТРЕ

Ты хочешь, друг бесценный,
 Чтоб я, поэт младой,
 Беседовал с тобой
 И с лирою забвенной,

Мечтами окриленный,
 Оставил монастырь
 И край уединенный,
 Где непрерывный мир
 Во мраке опустился
 И в пустыни глухой
 Безмолвно воцарился
 С угрюмой тишиной.

.....
 И быстрою стрелой
 На невский брег примчуся,
 С подругой обнимуся
 Весны моей златой,
 И, как певец Людмилы¹,
 Мечты невольник милый,
 Взошел под отчий кров,
 Несу тебе не золото
 (Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов.

Тайком взошел в диванну,
 Хоть помощью пера,
 О, как тебя застану,
 Любезная сестра?
 Чем сердце занимаешь
 Вечернею порой?
 Жан-Жака² ли читаешь,
 Жанлиса ль пред тобой?
 Иль с резвым Гамильтоном
 Смеешься всей душой?
 Иль с Греем и Томсоном
 Ты пренеслась мечтой
 В поля, где от дубравы
 В дол веет ветерок,
 И шепчет лес кудрявый,
 И мчится величавый
 С вершины гор поток?
 Иль моську престарелу,

¹ В. А. Жуковский.

² Ж.-Ж. Руссо.

В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой¹
Над шумною Невою?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Все тихо в мрачной кельи:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхий, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот все, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,
Тобою пренесенный

¹ Героиня одноименной баллады В. А. Жуковского.

К волшебной Иппокрене,
И в келье я блажен.

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечен в даль судьбою,
Я вдруг в глухих стенах,
Как Леты на брегах,
Явился заключенным,
Навеки погребенным,
И скрипнули врата,
Сомкнувшись за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою!..
С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы
На яркий блеск денницы.
Светило ль дня взойдет,
Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радуется оно.
Иль поздней порою,
Как луч на небесах,
Покрытых чернотою,
Темнеет в облаках,—
С унынием встречаю
Я сумрачную тень
И с вздохом провожаю
Скрывающийся день!..
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;